

Славяноведение, 2023, № 1, с. 51–64

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 1, pp. 51–64

DOI: 10.31857/S0869544X0024717-1

Оригинальная статья / Original Article

О важности изучения внутренней истории литературных языков (на примере словацкого литературного языка)

© 2023 г. К. В. Лифанов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

lifanov@hotmail.com

Аннотация. Изучение внутренней истории литературного языка позволяет изменить представления о его развитии, основанные исключительно на истории внешней. Внутренняя история — это прежде всего изучение формирования и изменения нормы путем сравнения текстов, относящихся к разным синхронным срезам. Так, сравнение языка переводов на словацкий язык Священного Писания, осуществленных в 1756–1759 гг. и 1830 г., с кодификацией А. Бернолака (1787–1790) показывает, что они представляют собой два этапа формирования одной и той же нормы, которую даже кодификация не смогла существенно изменить, а лишь скорректировать в основном в области правописания. В этом отношении кодификация А. Бернолака не является начальным этапом в развитии словацкого литературного языка, истоки которого восходят к более раннему периоду.

Ключевые слова: литературный язык, внешняя и внутренняя история, норма и кодификация, бернолаковский литературный язык, переводы Священного Писания, текстологический и аналитический способ формирования нормы.

Ссылка для цитирования: Лифанов К. В. О важности изучения внутренней истории литературных языков (на примере словацкого литературного языка) // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 51–64. DOI: 10.31857/S0869544X0024717-1

On the Importance of Studying the Internal History of Literary Languages (on the Example of the Slovak Literary Language)

© 2023. Konstantin V. Lifanov

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

lifanov@hotmail.com

Abstract. The study of the internal history of a literary language allows you to change ideas about its development, based solely on the history of the external. Internal history is primarily the study of the formation and change of its norm by comparing texts related to different synchronous levels. So, comparisons of the language of translations into the Slovak language of the Holy Bible, carried out in 1756–1759 and 1830, with the

codification of A. Bernolak (1787) shows that they represent two different stages of the formation of the same norm, which even codification could not significantly changed, but only corrected, mainly in the field of spelling. In this regard, A. Bernolak's codification is not the initial stage in the development of the Slovak literary language, the origins of which date back to an earlier period.

Keywords: literary language, external and internal history, norm and codification, Bernolak's literary language, translations of the Holy Bible, textual and analytical method of norm formation.

Reference for citation: *Lifanov Konstantin V.* On the importance of studying the internal history of literary languages (on the example of the Slovak literary language) // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No. 1. P. 51–64. DOI: 10.31857/S0869544X0024717-1

Хорошо известно, что разработка теории литературных языков явилась одним из наиболее значительных достижений Пражской лингвистической школы, представители которой открыли функциональный метод — ведущий метод в изучении истории литературных языков, а также показали специфику развития и функционирования литературного языка [9. S. 113]. Если ранее представители младограмматизма относили литературный язык к одному из аспектов внешней истории языка, то в понимании прагматов сам литературный язык имел как внешнюю, так и внутреннюю сторону развития. Так, уже в 1930 г. один из представителей «поколения основателей Пражского кружка» [13] словацкий лингвист Л. Новак подчеркивал необходимость изучения не только внешней, но и внутренней истории литературного языка, в частности словацкого: «Богатое словацкое идейное брожение сороковых годов прошлого (XIX в. — К.Л.) века, вызванное волной национальной идеи нетерпимости и венгерской концепции государства и подпитываемое идеалистической немецкой философией и особенно славянской интерпретацией гегелевской философии истории, приводило к возрастающему подъему и усилению гнетущей атмосферы напряженности. Культурное и политическое движение, включая краткий эпизод реального революционного сопротивления, вылилось в создание нового славянского литературного образования, в драматические события, которые произошли над его колыбелью, — все это в целом можно включить во внешнюю историю словацкого литературного языка, которая к настоящему времени уже достаточно изучена целым рядом исследователей, среди которых следует с благодарностью упомянуть главным образом Гурбана, Влчека, Годжу, Шкультеты, Пражака и Осуцкого. Иная ситуация с внутренней историей, которая до настоящего времени не была изложена специально, синтетически. Почти во всех работах о чешско-словацком расколе¹ хотя и можно прочитать большие или меньшие главы и заметки о чисто языковых явлениях, однако, к сожалению, нельзя не сказать, что они слабо документально подтверждены и критически осмыслены» [14. S. 73].

Подобное состояние было характерно для изучения многих литературных языков, поскольку сами литературные языки возникли значительно раньше появления теории литературных языков как самостоятельной лингвистической дисциплины. Началось и их изучение, но часто именно с изучения их внешней истории. Это было характерно для истории ряда славянских литературных языков, особенно тех, в истории которых важное, иногда решающее значение

¹ Имеется в виду кодификация словацкого литературного языка Л. Штуром в 40-е годы XIX в.

имела их кодификация, которая могла представлять собой поворотный момент. Это объяснимо тем, что зачастую кодификации рождались в идеологических спорах, которые разворачивались накануне или сразу же после их осуществления. Кроме того, материал кодификационных и других грамматик как бы лежит на поверхности и сразу же доступен для их изучения. Изучение же внутренней истории предполагает исследование значительного корпуса языкового материала, что делает возможным ее описание только в процессе накопления результатов анализа. Замечу, что и в названной работе Л. Новак обращается лишь к кодификации Л. Штура и работам М.М. Годжи и М. Гатталы, в которых давалась критическая оценка кодификации Л. Штура и предлагалась ее реформа. Реальные же тексты Л. Новак не изучал, и таким образом эволюция нормы в словацком литературном языке осталась не выявленной. Между тем именно становление нормы и исследование ее изменения является важнейшим аспектом изучения внутренней истории литературного языка. Более того, по мнению некоторых исследователей, история литературного языка — это история нормы (ср., например, [3. С. 8]).

С моей точки зрения, все же точнее бы было говорить о том, что история нормы является внутренней историей литературного языка, поскольку изучение его связи с историей народа, общественно-политическая ситуация в стране и ее отражение в литературном языке, кодификации литературного языка и т.д. также входят в задачи историка литературного языка, хотя изучение нормы и ее эволюции безусловно является важнейшим аспектом истории литературного языка. Более того, изучение внутренней истории может способствовать корректировке внешней истории, поскольку, возможно, позволит иначе взглянуть и на саму кодификацию, причем более объективно, а не только сквозь призму ее восприятия современниками.

В более позднее время изучению внутренней истории словацкого литературного языка не способствовало и широко распространенная в словакистике точка зрения Я. Горецкого, утверждавшего следующее: «При такой дифференциации национального языка (при отождествлении литературного языка с его кодификацией. — К.Л.) понятие нормы в существующей интерпретации не является необходимым. Можно сказать, что литературная форма национального языка представляет собой современную норму литературного языка, так как система является свойством национального языка в целом» [8. S. 19]. Замечу, что данное утверждение противоречит пониманию нормы представителями Пражской школы. Так, Б. Гавранек определяет норму как «комплекс языковых средств, грамматических и лексических (структурных и неструктурных), используемых регулярно» [7. S. 33]. Развивая свою мысль, Б. Гавранек пишет, что понимает языковую норму как систему языка, взятую в плане ее обязательности в сфере языка с задачей достичь намеченного в области его функционирования [1. С. 339–340]. Таким образом, норма соотносится не только с понятием системы, но и с функционированием.

Кодификация современных литературных языков отражает стремление кодификаторов представить в виде правил и рекомендаций реально существующую норму, но и в данном случае с нормой она не совпадает, так как не всегда успевает отразить ее изменения. В еще большей степени кодификация и норма не совпадали в прошлом, например уже в период славянского национального возрождения. Так, уже были показаны существенные расхождения между кодификацией словацкого литературного языка А. Бернолака и реально функционировавшим бернолаковским литературным языком (бернолаковщиной), причем эти

расхождения характеризовали не тексты отдельных авторов, а имели системный характер [12]. Остается, однако, нерешенной проблема связи бернолаковщины с добернолаковской нормой, что и является целью данной статьи.

В качестве объекта исследования развития письменной нормы доштуровского периода развития словацкого литературного языка я выбираю наиболее авторитетные тексты того времени, а именно, переводы Священного Писания. Существуют два полных перевода Священного Писания доштуровского периода. Первый называют Камальдульской Библией, перевод которой был осуществлен, вероятнее всего, в восточнословацком Красном монастыре (словацкое *Červený kláštor*; в настоящее время рядом с монастырем находится село Червены-Клаштор), принадлежавшем в это время камальдулам — монахам католической конгрегации² автономного типа. Перевод Камальдульской Библии был осуществлен в 1756–1759 (либо 1760) гг. предположительно монахом Ш.Р. Гадбавным (1714–1780) или под его руководством³, а издан лишь в 2002 г. Сведения о переводе существовали давно, однако сам текст был обнаружен только в 1946 г. в приходе села Цифер недалеко от Трнавы⁴. Красный монастырь также известен тем, что там в 1763 г. был составлен латинско-словацкий словарь «*Syllabus Dictionarij Latino-Slavonicus*», получивший наименование Камальдульский словарь, и переведены на словацкий язык широко известные духовные песни французского аббата-бенедиктинца Луи де Блуа (Блозиуса).

Второй полный перевод Священного Писания, на этот раз на бернолаковщину, стал результатом усилий эстергомского каноника Ю. Палковича (1763–1835) и был издан в 1829 и 1832 гг. Палкович был одним из наиболее активных членов Словацкого ученого товарищества, занимавшегося распространением бернолаковщины, редактором и издателем Словаря А. Бернолака.

В процессе работы был сопоставлен и проанализирован язык Книги Бытия (*Genesis*) двух названных доштуровских переводов, а также языковой материал, содержащийся в «Словацкой грамматике» (*Grammatica Slavica*) А. Бернолака [5]. Основными задачами данной работы стало выяснение того, существует ли преемственность языковой нормы этих переводов и какова роль кодификации Бернолака в процессе нормализации словацкого литературного языка. Замечу, что отсутствуют какие-либо сведения об использовании Палковичем Камальдульской Библии при переводе Священного Писания. Сам характер языка переведенных текстов (использование разных лексических единиц, построение предложений и иногда даже иной смысл и т.д.) ясно и убедительно подтверждает независимость перевода Палковича и еще более повышает ценность этих текстов, поскольку обнаруженные языковые сходства будут свидетельствовать не о вероятном заимствовании, а о поэтапном процессе формирования нормы, протекавшем в течение длительного времени.

Очевидное и наибольшее расхождение языка двух рассмотренных переводов представлено в их орфографии. При этом Палкович полностью руководствовался кодификацией Бернолака, что представляется совершенно естественным. Среди кодифицированных Бернолаком и используемых Палковичем графем полностью отсутствуют чешские графемы *ů*, *ě*, *ř*. В камальдульском переводе также практически отсутствуют графемы *ů*, *ř*, хотя первая последовательно

² «В католической церкви: религиозная организация, непосредственно связанная с каким-либо монашеским орденом, имеющая свой устав и состоящая из священнослужителей и мирян. 2. Учреждение, входящее в состав римской курии» [2].

³ Научные исследования до настоящего времени этот факт не подтвердили [10].

⁴ С 1996 г. найденный экземпляр Камальдульской Библии хранится в резиденции архиепископа в Трнаве.

фиксируется в лексеме *Bûh* 'Бог', но только в ней. Даже если в тексте употребляется старочешская флексия *-ûw*, она обозначается как *-ûw*. Ср. примеры:

- (1) Y učinil *Bûh* oblahu a oddělil wodi, které byli pod oblahu, od tych, které byli nad obláhu (K).
I učinil *Bôh* Oblohu, a oddělil Wodi, které boli pod Oblohu, od Wód, které boli nad Oblohu (P).
И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так (Быт I:7)⁵.
- (2) Ale y Lot, který byl z Abramem měl stáda owec, a stáda *dobytkúw*, a stánki (K).
Ale i Lot, kteří bol z Abrahamom, mal Stáda Owec, i Woli i Šatore (P).
И у Лота, который ходил с Аврамом, также был мелкий и крупный скот и шатры (Быт XIII:5).

Сложной является ситуация с фиксацией в Камальдульской Библии графемы *ě*, исключенной из словацкого литературного языка Бернолаком и, таким образом, отсутствующей в переводе Библии Палковича. В ряде случаев, как в позиции после губных, так и после переднеязычных, эта графема используется, причем довольно широко. Ср. примеры:

- (3) Ale wssak wodi gissli a umeňssowali se až do desátého *Měsyca*: nebo desátého *Měsyca*, prwnyho Dňa *Měsyca* ukázali se wrssky hor (K).
Ale wodi odchádzali a opádali až do desátého Mesáca; nebo desátého Mesáca prwného Dna Mesáca ukázali sa Wrchi *Hór* (P).
Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор (Быт VIII:5).
- (4) Tehdy Sáray Manžélka Abramowa, nerodila *Děti*, ale magjcy *děwku* Ogyptsku ménem Ágar (K).
Tedi Sára Manželka Abramowa, nebola porodila *Ďeti*, ale magíc *Ďewku* Egiptčanku Ménem Aġar (P).
Но Сара, жена Аврамова, не рождала ему. У ней была служанка Египтянка, именем Агарь (Быт XVI:1).

В большом количестве примеров, однако, знак мягкости оказывается сдвинутым на предшествующую букву, причем это может быть буква, обозначающая как переднеязычный согласный, так и губной. При этом в некоторых случаях практически невозможно установить, находится ли этот знак над гласным или согласным. В бернолаковщине и позже в шутовщине мягкость парных мягких согласных обозначается над ними⁶, тогда как над губными этот знак устраняется, так как в словацком языке они являются непарными твердыми и их йотация перед *e* из *ě* не представлена. Ср. примеры:

- (5) *Žeňe* také *poweďel*: Rozmnožjm bjdi twé, a plodi twé: wbolésti rodit budess synuw a pod mocu Muža budess, a on panowat bude nad tebu (K).
Žeňe tež rekel: rozmnožim Bolesti twoge pri *Ěhotnosti*, z *Bolestu bud'eš* rodit Sinow (*Ďeti*) a pod Mocu Muža tweho *bud'eš*, a on panowat *bud'e* nad tebu (P).

⁵ Буква К указывает на то, что пример был извлечен из Камальдульской Библии, буква Р — из перевода Палковича на бернолаковщину, римская цифра обозначает номер главы, а арабская — стиха. Кроме примеров из двух рассматриваемых вариантов перевода приводятся также соответствующие стихи, извлеченные из текста Священного Писания, размещенного на официальном сайте Московского Патриархата Русской православной церкви (дата обращения 14.06.2021: Бытие). <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/>.

⁶ Данная система обозначения парных мягких согласных была устранена в «Краткой грамматике словацкой» 1852 г. [11].

Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою (Быт III:16).

- (6) Kdiž sto *Rokúw* m'el: w tomto zagjstě w'eku otcowém, narozen gest Ysáak (K).

Kdiž mal Abraham sto *Roków*, w tom Weku Otcowem narodil sa Izák (P).

Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его (Быт XXI:5).

В соответствии с кодификацией Бернолака устраняется также типичная для чешского языка графема *y*, которая употребляется в Камальдульской Библии, хотя и непоследовательно и даже хаотично. Ср. примеры:

- (7) *Y* stworil Bůh *welrybi* weliké, a každú dussu žiwú *y hybagicú se* (K).

I stworil Bóh *Welribi* preweliké, i *wšeligakú* Dušu *žiwú a híbagicú sa* (P).

И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся (Быт I:21).

- (8) *Y wyhnal* Adama a postawil pred Ragem rozkossi Cherubjna, *y meč plaménny* a na obe dve strani *ostry aby* opatrowal cestu k drewu žiwota (K).

A wihnal Adama, a postawil pred Ragem Rozkoše, Cherubinow, s Mečom plamenním, a obratním k Ochráňení Cesti k Stromu Žiwota (P).

И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни (Быт III:24)⁷.

Тем не менее в орфографии рассматриваемых переводов Священного Писания также имеются общие черты, указывающие на то, что основой орфографии является чешскобратская система правописания⁸. К их числу относится, например, обозначение звука *j* как *g* или *í* как *j*. Звук *v* в обоих текстах обозначается как *w*. Ср. примеры:

- (9) Kdiž téhdy byli *wstali* odtud mužé, obrátili oči proty Sodom'e: y Abrahám spolu snyma *pokračowal wyprowaďagjcy gych* (K).

Kdiž teda odtád stali Muží, obratili Oči proti Sodome, a Abraham išel spolu *odprowaďagíce gích* (P).

И встали те мужи и оттуда отправились к Содому (и Гоморре); Авраам же пошел с ними, проводить их (Быт XVIII:16).

При этом, однако, бернолаковщина сохраняет чешскобратские особенности в меньшей мере, что демонстрирует, например, замена диграфа *ss*, обозначающего звук *ž*, соответствующей графемой, тогда как в Камальдульской Библии этот диграф еще сохраняется в полной мере. Ср. примеры:

- (10) *Y z každým žiwotem žiwým, který swama gest, gak s wtáctwa, tak z howad, y zewsseckých* dobytkuw zemských, které *wyssli* s korába, *y zewsseckyma* zwjratami zémskyma (K).

A z každú *Dušú* žiwú, která gest swami, tak Ptáctwa gak Howád, a *wše* Zwirat Zeme, které *wišli* s Korábu ze *wšemi* Žiwočích Zeme (P).

и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными (Быт IX:10).

⁷ Отмечу, что в приведенных примерах отклонением от этимологического написания является использование графемы *y* в сочинительном союзе (должно быть *i*), а во флексиях им. и вин. падежа мн. числа существительных женского рода, напротив, употреблено *i* (в соответствии с этимологией должно быть *welryby*, *strany*).

⁸ Чешскобратская система письма была разработана в общине чешских братьев и применена в Кралицкой Библии (1579–1593), ставшей на долгие годы эталоном языка как в Чехии, так и в Словакии.

Изменение орфографии, однако, не было связано исключительно с кодификаторской деятельностью Бернолака, а представляло собой процесс, который находил отражение в рассмотренных текстах. Так, в переводе Палковича, в соответствии с кодификацией Бернолака, начальное *и* уже не обозначается как *у*, что характеризовало чешскобратские тексты. В целом эта ситуация обычна уже в Камальдильской Библии, хотя единичные примеры с чешскобратским обозначением все еще фиксируются. Ср. примеры:

- (11) Ale sa stalo po mnohych dňoch, že byl ob'etowal Kayn z *Užitkúw zémskych* Dari Pánu (K).

Stalo sa ale po mnohých Dnoch, že obetowal Kain z *Urodi zemskeg* Dari Pánowi (P).
Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу (Быт IV:3).

- (12) Ya sem Pán, který sem teba wywédel z *Ur Kalděgskych*, abych tebe dal zem túto, y abys s ňu włádal (K).

Ga Pán, který sem ta wiwedel z *Ur Chaldegskich* abich ti dal Zem túto, abis gu włádal (P).

И сказал ему: Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение (Быт XV:7).

Таким образом, в области орфографии Палкович следует рекомендациям Бернолака, т.е. в данном случае бернолаковщина в переводе Священного Писания отражает кодификацию Бернолака. При этом орфография бернолаковщины (как кодификации, так и перевода Священного Писания), безусловно, связана с орфографией Камальдильской Библии, которая представляет собой переходный этап между традиционной чешскобратской орфографией и орфографией бернолаковщины.

Фонетические системы языка переводов Священного Писания в целом совпадают. Было выявлено лишь одно различие в составе фонем: в языке перевода Палковича представлена фонема *dz*, тогда как в Камальдильской Библии она отсутствует. Ср. примеры:

- (13) A potok *wycházal* z mjsta rozkossi, aby rág pokropowal, který sa odtud dělj na sstyri hlawné potoki (K).

A potok *wichádzal* z Místa Rozkoše k Swlažowáňi Raga, který sa odtád dělí na štiri hlawné Potoki (P).

Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки (Быт II:10).

- (14) Protož y swada sa stala *mezy* Pastyri stád Abramowych a Lotowych (K).

Odkad i stala sa Roztržitost *medzi* Pastíri Stád Abramowich, a Lotowich (P).

И был спор между пастухами скота Аврамова и между пастухами скота Лотова (Быт XIII:7).

Представляется вполне логичным то, что в переводе Палковича названная фонема была представлена, так как ее кодифицировал Бернолак. Возникает, однако, вопрос, повлияла ли кодификация на язык перевода или, напротив, она была закреплена в кодификации, поскольку процесс ее отражения в письменном языке уже осуществился. Данный вопрос является дискуссионным, поскольку процесс проникновения данной фонемы в письменный язык уже начался, хотя она еще окончательно в нем не закрепилась. Так, она последовательно отражается в произведении Г. Гавловича «Пастушья школа — нравов житница», но все еще отсутствует в языке романа Й.И. Байзы «Юноши Рене приключения и испытания». Ср. примеры:

- (15) Reču, mečem a s čym mužess, obhagug gu tuze, Nebog se pro geg ochranu upadnut do *nudze* (Речью, мечом и всем, чем сможешь, защищай ее изо всех сил, не бойся из-за ее защиты оказаться в нищете); Ach mug Synu, nežadag si bohatnut z *cudzeho*, Než usilug se žiwiti z pracowani tweho (Ах, мой сын, не желай богатеть с чужого, а стремись жить плодами своего труда); Wssak když na hluboke more bez wesla *wichadza*, Tehdy k swemu zatopeni gistotně *prichadza* (Но когда он выходит в глубокое море без весла, тогда наверняка оказывается потоплен).
- (16) libežné z ňekraganmi *zacházaiŋy* skusili (они попробовали к инородцам гостеприимно относиться); hñed' od malička ludmi *cuzími*, a obzwłásťne Európai=skími obľibowala sa (сразу с малых лет ее полюбили чужие люди, особенно европейцы); odkúďkoliw ono ňech *pocházá* (пусть она происходит от чего угодно).

Вместе с тем, довольно неожиданным оказывается тот факт, что фонетическая система языка двух переводов Священного Писания имеет общие черты, противопоставляющие их кодификации Бернолака. Так, Бернолак кодифицирует *l'*, отсутствующий в фонетической системе Камальдальской Библии. Отсутствие этого звука, вопреки кодификации, обнаруживается и в переводе Палковича. Ср. примеры⁹:

- (15) *Nepratélstwj* Položjm mezy tebú a Ženu, y mezy semenem twym a semenem geym (K). *Nepratélstwo* položim medzi tebu, a medzi Žeňu, medzi Semenom twogim, a Semenom geg (P).
и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее (Быт III:15).
- (16) A kdiž se ohlédla Manžélka gehu naspátek, obrátila sa na *solny* stlúp (K).
A ohleďice sa Žena gehu spátke, obráťená gest na Stlp *solní* (P).
Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом (Быт XIX:26).

Другой общей особенностью языка рассматриваемых переводов Священного Писания является отсутствие дифтонга *ie*, который представлен в кодификации Бернолака, хотя и на периферии ее фонетической системы. В ряде случаев он допускается Бернолаком, причем, например, формы глагола *wed'eŋi* настоящего времени с названным дифтонгом являются основными (*wgem* и т.д.) [5. S. 221]. Ср. примеры:

- (17) A Pán poweďel k Kaynowi: kde gest Abel bratr twúg? ktery odpoweďel: *Newjm*: zdáliž strážnjk sem ya bratra mého? (K).
I rekel Pán ku Kainowi: kde gest Brater twog? ktery odpoweďel, *newím*, zdáliž sem ga Strážním Bratra mého? (P).
И сказал Господь (Бог) Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? (Быт IV:9).
- (18) *Dj'ŋa* osmého dňa obrezowat sa bude mezy wama (K).
Đe'ŋa osmého Dna obrezané bude medzi wami (P).
Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужеского пола (Быт XVII:12).

Отклонение от кодификации Бернолака и, напротив, совпадение употребления элементов в переводах Священного Писания характеризуют не только фонетическую систему, но в еще большей степени их морфологию. Наиболее ярко это проявляется при образовании причастий на *-l* у глаголов с основой на согласный

⁹ В кодификации Бернолака звук *l'* представлен в меньшем объеме, чем в современном словацком литературном языке. В связи с этим я привожу примеры слов, образованных от слов *práťel* и *soľ*, в которых *l'* в кодификации Бернолака фиксируется [5. S. 159, 153].

или с утрачивающимся суффиксом *-ní-*, поскольку Бернолак кодифицирует лишь форму мужского рода со вставным гласным *-o-*, однако авторы обоих переводов отдают предпочтение формам со вставным гласным *-e-*. Ср. примеры:

- (19) Ale Adamowi poweǔel: že sy *uposlechel* hlasu manžélki twég, a *gedel* sy z drewa, s kteréhosẽm byl rozkázal tebe, žebyś *negedel*, zlorečena zem w práci twég: w robotách gesti budess s ny, po wsseckych dňoch žiwota twého (K).

Adamowi ale *rekel*: že si *uposlechel* Hlas Ženi tweg, a *gedel* si ze Stromu zapoweǔeńého, zlorečená Zem w Práci tweg, z Bolestu gesti budeś s neg, po wśecké Dni Žiwobiťa twého (P).

Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей (Быт III:17).

- (20) Y poweǔeli: Podte, uǔelágme sebe Město y wežu; kterég wrch by *dosáhel* až k Nebu (K). A rekli podme, Učĩńme si Mesto a Wežu, ktereg Wrch bi *dosáhel* do Neba (P).

И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес (Быт XI:4).

В отношении твор. падежа ед. числа существительных мужского рода Бернолак пишет следующее: «Инструментальный падеж или социатив единственного числа всегда имеет окончание *-om*» [5. S. 163]. В переводе Палковича, однако, мы вновь видим несоблюдение кодификации Бернолака, поскольку в указанном падеже представлены дублетные формы, одна из которых, с флексией *-em*, является единственно возможной в более ранней Камальдульской Библии. Ср. примеры:

- (21) Ale y Lot, který byl z *Abramem* měl stáda owec, a stáda dobytkuw, a stánki (K).

Ale i Lot, kteří bol z *Abrahamom*, mal Stáda Owec, i Woli i Šatore (P).

И у Лота, который ходил с Авраомом, также был мелкий и крупный скот и шатры (Быт XIII:5).

- (22) Ale Noe nassel milost pred *Pánem Bohem* (K).

Ale Noe našel Milost pred *Pánem* (P).

Ной же обрел благодать пред очами Господа (Бога) (Быт VI:8).

Чрезвычайно любопытно то, что связь языка Камальдульской Библии и перевода Палковича в их противопоставлении кодификации Бернолака¹⁰ наблюдается и в различии твердой и мягкой разновидности склонения прилагательных мужского и среднего родов, отсутствующей в западнословацком диалекте и восходящей к чешскому языку. Это различие, однако, в Камальдульской Библии проявляется более последовательно. Ср. примеры:

- (23) A kdiž sa byla dokonala reč *mlúwicyho* s njm, odesel Bůh od Abraháma (K).

A kdiž sa dokonala Reč *mluwícĥo* sňim, odstúpil Bóh od Abrahama (P).

И Бог перестал говорить с Авраамом и восшел от него (Быт XVII:22).

- (24) Za dňa, za kterého stworil Bůh Člow'eka, k podobenstw'u *Božmu* učinil ho (K).

W ten Ďen, keď stworil Bóh Čloweka, a k Podobenstwu *božému* ho učunil (P).

Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его (Быт V:1).

Опора Палковича на предшествующую норму наглядно просматривается и при употреблении им только одной из кодифицированных Бернолаком форм, причем употреблявшейся в Камальдульской Библии. Это явление можно иллюстрировать употреблением форм твор. падежа ед. числа существительных

¹⁰ В кодификации А. Бернолака все прилагательные склоняются по твердой разновидности [5. С. 177–179].

женского рода, а также некоторых личных местоимений, и предл. падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода. Если Бернолак кодифицирует соответственно формы с флексиями *-ú* и *-ou*, *-om* и *-ém*, в переводе Палковича так же, как и в Камальдульской Библии, находим только формы с флексиями *-ú* и *-ém*, характерными для западнословацкого диалекта. Ср. примеры:

- (25) *Žeňe také poweďel: Rozmnožjm bjdi twé, a plodi twé: wbolésti rodit budess synuw a pod mocu Muža budess, a on panowat bude nad tebu (K).*
Žeňe tež rekel: rozmnožim Bolesti twoge pri Ťehotnosti, z Bolestu budeš rodiť Sinow (Ďeňi) a pod Mocu Muža tweho budeš, a on panovať bude nad tebu (P).
 Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою (Быт III:16).
- (26) *Kdiž sto Rokúw m'el: w tomto zagistě w'eku otcowém, narozen gest Ysáak (K).*
Kdiž mal Abraham sto Roków, w tom Weku Otcowem narodil sa Izák (P).
 Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его (Быт XXI:5).

Довольно неожиданная картина вырисовывается в употреблении форм род. падежа мн. числа существительных женского и среднего рода. Указанные формы стали предметом спора между Бернолаком и Й.И. Байзой, причем первый весьма остро выступал против форм с продлением корневого гласного в рассматриваемых формах [6. S. 325], употребляемых Байзой. Рекомендация Бернолака отражает состояние в языке Камальдульской Библии, но ею пренебрегает Палкович, образующий соответствующие формы аналогично Байзе. Ср. примеры:

- (27) *Poweďel take Bůh: nech se stane oblaha w prostred wod: a nech oddělí wodi od wod (K).*
Rekel tež Bóh: buď Obloha u prostred Wód, a oddel Wodi od Wód (P).
 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды (Быт I:6).
- (28) *Ale wssak wodi gissli a umeňssowali se až do desátého Měsycy: nebo desátého Měsycy, prwnyho Dňa Měsycy ukázali se wrssk hor (K).*
Ale wodi od chádzali a opádali až do desátého Mesáca; nebo desátého Mesáca prwného Dna Mesáca ukázali sa Wrchi Hór (P).
 Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор (Быт VIII:5).
- (29) *Wyhladjm poweďel Pán, Člow'eka, kterého sem stworil z zemi od člow'eka až do howad, od tych ktere po zemi lazá, až do Wtáctwa Nebeského, nebo ljto my gest, že sem gich učinil (K).*
Rekel: wihubim Čloweka, kterého sem stworil, ze Zeme, od Čloweka až do Howád, od Zemeplazow až do Ptáctwa nebeského, nebo mi ge lúto že sem gich učinil (P).
 И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их (Быт VI:7).

Аналогичная картина наблюдается и в образовании форм им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода. В Камальдульской Библии эти существительные имеют краткую флексию, что и отстаивает Бернолак в споре с Байзой, однако Палкович образует указанные формы так же, как и Байза. Ср. примеры:

- (30) *Y podwrátil ty Města, y wssecku okolo kraġinu, wsseckych obywatelúw Městskych y wssecky zeleností zémské (K).*
I podwrátil tí Mestá, i celu Kraginu wúkol, wšeckích Obiwatelow tích Mést, a wšecké zelenagice sa na Zemi (P).

- И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и (все) произрастания земли (Быт XIX:25).
- (31) Ale Sem a Gaffet plásst wložili na *pleca swe*, a kráčagjcy spatkem, prikryli stydliwé čzlánki Otca swého (K).
Ale Sem, a Gafet naložili Plášť na swoge *Pleca*, a kráčagice spátkem, zakrili hanebni Úd Otca swého (P).
Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего (Быт IX:23).
- (32) Stworiwše teda Pán Bóh ze Zeme wšelikú Zwer polnú, i wšecker Ptáctwo nebeské, priwedel *ge* k Adamowi, aby wiđel gakoby *gych* menowal (K).
Tehdy kdiž stworil Pán Bůh z zemi wssecko ozywugjce zemske a wssecke wtáctwo Nebéske, priwédel *gych* k Adamowi, aby wiđel gakoby *gych* menowal (P).
Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их (Быт II:19).

Формирование нормы представляет собой исторический процесс, в котором происходит вытеснение старой нормы новой. В этот период выбор нормы часто зависит от языковых предпочтений автора. Два подобных явления — продление корневой долготы в формах род. падежа мн. числа существительных женского и среднего рода и наличие долготы в формах им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода — были рассмотрены выше, причем Бернолак здесь занял консервативную позицию, стремясь закрепить в литературном языке уходящие формы. Эти формы тем не менее все равно смогли в него проникнуть, о чем свидетельствует перевод Священного Писания Палковича. В иных случаях, напротив, Бернолак отдавал предпочтение новым формам, которые фиксируются и в Камальдульской Библии. Палкович же возвращается к старой норме, которая отмечается, например, в языке Гавловича и Байзы. Подобным примером является употребление старой формы вин. падежа мн. числа личного местоимения 3 лица мн. числа *je* (графически *ge*) и соответствующей новой формы *jich*¹¹ (графически *gych*). Ср. примеры:

- (33) Tehdy kdiž stworil Pán Bůh z zemi wssecko ozywugjce zemske a wssecke wtáctwo Nebéske, priwédel *gych* k Adamowi, aby wiđel gakoby *gych* menowal (K).
Stworiwše teda Pán Bóh ze Zeme wšelikú Zwer polnú, i wšecker Ptáctwo nebeské, priwedel *ge* k Adamowi, aby wiđel gakobi *ge* pozwal (P).
Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их... (Быт II:19).
- (34) Sedem hodin k odpočinku, dewet k leniwosti, Gak nekdy spiss osem hodin, dost *ge* až k sitosti¹². (Семь часов сна — это отдых, девять — лень, если ты иногда спишь восемь часов — это более чем достаточно). A uwážess *ge*, gako znamenj na ruce twég¹³. (И воспримешь их как знамение на руке своей).

Итак, проведенный анализ показал, что существует глубокая преемственность между языком Камальдульской Библии и языком перевода Священного Писания на бернолаковщину, осуществленного Палковичем. И это несмотря на то, что переводчик не использовал язык Камальдульской Библии и, скорее всего, вообще не был с ним знаком. Объединяет же язык этих текстов то, что они отражают

¹¹ В подобной огласовке рассматриваемая форма представлена еще в кодификации Л. Штура [17. С. 224]; в современном словацком литературном языке — *ich*.

¹² *Sabo G.J.* Hugolín Gavlovič's Valaská Škola. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1988. P. 45.

¹³ *Bajza J.I.* Kresťanského Katolíckeho Náboženstva, ktoré lidu swému wkládal, a pre wsseobecny prospech widal Josep. Ignat. Bajza Farár Dolno-Dubowský. Díl Iý. O Wire. W Trnawe: u Václava Jelínka mestského tiskára, 1798. S. 7.

разные этапы процесса формирования одной и той же нормы. Таким образом, значение изучения внутренней истории словацкого литературного языка заключается в том, что оно позволяет отказаться от формального критерия определения его возникновения, каковым в настоящее время многими признается его кодификация, и делает возможным выявление объективных данных, связанных с развитием языковых средств и формированием нормы. Вместе с тем результаты изучения внутренней истории словацкого литературного языка не являются абсолютно новыми, а оказываются созвучными утверждениям ряда словацких лингвистов в прошлом. Так, еще С. Цамбел под псевдонимом Ян Влколинский писал, что Бернолак «лишь формально санкционировал то, что в литературном языке словаков в его время реально существовало» [18. S. 238] и «истоки нашего нового литературного языка следует искать почти за полтора столетия до выступления А. Мачая (имеется в виду издание в 1718 г. религиозного трактата А. Мачая *«Panes primatiarum aneb Chleby prwojín»*. — К.Л.)» [18. S. 234]. Ту же самую мысль высказывал и Г. Бартек: «Станислав (известный словацкий историк языка Я. Станислав. — К.Л.) вслед за некоторыми чешскими учеными мужами ведет отсчет истории словацкого литературного языка от Байзы и Бернолака, против чего мы выступаем самым решительным образом, ибо Байза и Бернолак не знаменовали собой ничего нового, а лишь узаконили в своих произведениях то, что уже давно существовало до них» [4. S. 54]. И даже Э. Паулини, вопреки выдвинутой им иной концепции развития словацкого литературного языка, признавал существование словацкого литературного языка до кодификации Бернолака: «Процесс словакизации зашел настолько далеко, что в конце первой половины XVIII в. у словацких католиков был уже достаточно строго нормированный национальный литературный язык, который ввиду его расхождения с чешским нельзя назвать лишь словакизированным чешским языком» [15. S. 78]¹⁴. При этом я не умаляю значение кодификации Бернолака для развития словацкого литературного языка, представлявшей собой важную веху в его развитии, поскольку начинается переход от текстологического способа формирования нормы к аналитическому. Этот переход не был одномоментным и имел довольно длительный период сосуществования двух типов норм, в результате чего бернолаковщина на практике под воздействием традиционной нормы претерпела значительные изменения. Это проявилось прежде всего в области фонетики и морфологии, тогда как орфография, предложенная Бернолаком, была полностью принята авторами-бернолаковцами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- К — Камальдуйская Библия: Swaté Biblia Slowénské aneb pisma swatého. Bd. 1 und 2 / hrsg. von H. Rothe und F. Scholz. Unter Mitwirkung von J. Doruľa. Nachdruck der Handschrift von 1750. Paderborn et.: Schöningh, 2002. 1983 s. <http://kb.kapitula.sk/wp-content/uploads/2012/10/Genezis.pdf>.
P — Перевод Ю. Палковича: Swaté Písmo starého i nowého Zákona: podľa obecného latinského od sw. Rímsko-katolíckég Cirkwi potvrdeného, preložené s Prirownaním ģruntowného Tekstu na Swetlo widané. 1829. Ďel prwní, 1832. Ďel druhí. W Ostrihome: Witlačené z Lilterámi Josefa Beimela, Cis. Kral. Priv. Primatiálského Kňihtlačára., 1250 s.

¹⁴ И хотя в более поздней монографии Э. Паулини несколько изменил данную формулировку, используя в ней гипотетическое понятие «западнословацкий культурный язык», суть ее не изменилась; ср.: «Использование западнословацкого культурного языка в католической литературе в конце первой половины XVIII в. проявилось в том, что в ней появляется достаточно строго нормированный национальный литературный язык» [16. S. 144].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Bajza J. I. Kresťanského Katolíckeho Náboženstva, ktoré lidu swému wkládal, a pre wsseobecny prospech widal Josep. Ignat. Bajza Farár Dolno-Dubowský. Díl Iý. O Wire. W Trnawe: u Václava Jelínka mestského tiskára, 1798. 710 s.
Sabo G.J. Hugolín Gavlovič's Valaská Škola. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1988. 730 p.
Swaté Biblia Slowénské aneb pisma swatého. Bd. 1 und 2 / hrsg. von H. Rothe und F. Scholz. Unter Mitwirkung von J. Dorufa. Nachdruck der Handschrift von 1750. Paderborn et.: Schöningh, 2002. 1983 s. <http://kb.kapitula.sk/wp-content/uploads/2012/10/Genezis.pdf>.
Swaté Písmo starého i nowého Zákona: podľa obecného latinského od sw. Rímsko-katolíckég Cirkwi potvrdeného, preložené s Prirownaním ģruntowného Tekstu na Swetlo widané. 1829. Ďel prwní, 1832. Ďel druhí. W Ostrihome: Witlačené z Lilterámi Josefa Beimela, Cis. Kral. Priv. Primatialského Kňíhtlačára., 1250 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей / под ред. Н.А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.
2. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. В четырех томах. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/11/ma208729.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 18.03.2021).
3. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
4. *Bartek H.* Spisovný jazyk slovenský // Slovenská reč. 1937/1938. № 6. S. 50–57.
5. *Bernolák A.* Grammatica Slavica // Gramatické dielo Antona Bernoláka / na vydanie pripravil a preložil J. Pavelek. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. S. 114–407.
6. Bernolákovské polemiky / edične pripravil, poznámky a vysvetlivky napísal dr. I. Kotvan. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. 391 s.
7. *Havránek B.* Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha: Melantrich, 1932. S. 32–84.
8. *Horecký J.* Východiská k teórii spisovného jazyka // Z teórie spisovného jazyka: zborník referátov a diskusných príspevkov / red. J. Ružička. Bratislava: Veda, 1979. S. 13–22.
9. *Jedlička A.* Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika normy // Slovo a Slovesnost. 1968. № 29. Č. 2. S. 113–125.
10. Kamaldulská Biblia // Encyclopaedia Beliana. <https://beliana.sav.sk/heslo/kamaldulska-biblia> (дата обращения: 27.02.2021).
11. Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku, Tiskom predtým Schmidovym, 1852. 61 s.
12. *Lifanov K.V.* Метаморфозы кодификации А. Бернолака // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2012/2013. Band 69, Heft 2. S. 247–280.
13. *Nekula M.* PRAŽSKÁ ŠKOLA // CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny / eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová, 2017. <https://www.czechency.org/slovník/PRAŽSKÁ ŠKOLA> (дата обращения: 02.02.2021).
14. *Novák L.* K vnitřním dějinám spisovné slovenštiny // Slavia. 1932. S. 73–99, 295–322.
15. *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971. 136 s.
16. *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983. 256 s.
17. *Štúr L.* Náuka reči slovenskej // L. Štúr. Slovenčina naša. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. S. 151–253. Добавлено
18. *Vlkolinský J.* О «првеј» книхе slovenskej // Živena 2. 1885. S. 230–240.

REFERENCES

- Bartek H. Spisovný jazyk slovenský. *Slovenská reč*, 1937/1938, no. 6, pp. 50–57. (In Slovak)
Bernolák A. Grammatica Slavica. *Gramatické dielo Antona Bernoláka*, na vydanie pripravil a preložil J. Pavelek. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1964, pp. 114–407. (In Latin and Slovak)
Bernolákovské polemiky, edične pripravil, poznámky a vysvetlivky napísal dr. I. Kotvan. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1966, 391 p. (In Slovak)

- Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura. *Spisovná čeština a jazyková kultura*. Praha, Melantrich Publ., 1932, pp. 32–84. (In Czech)
- Havránek B. Zadachi literaturnogo jazyka i jeho kultura. *Pražskij lingvisticheskij kruzhok. Sbornik statej*, pod red. N.A. Kondrashova. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 338–377. (In Russ.)
- Horecký J. Východiská k teórii spisovného jazyka. *Z teórie spisovného jazyka: zborník referátov a diskusných príspevkov*, ed. J. Ružička. Bratislava, Veda Publ., 1979, pp. 13–22. (In Slovak)
- Jedlička A. Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika normy. *Slovo a Slovesnost*, 1968, no. 29, č. 2, pp. 113–125. (In Czech)
- Kamaldulská Biblia. *Encyclopaedia Beliana*. <https://beliana.sav.sk/heslo/kamaldulska-biblia> (accessed 27.02.2021). (In Slovak)
- Krátká mluvnica slovenská*. V Prešporku, Tiskom predtým Schmidovym Publ., 1852, 61 p. (In Slovak)
- Lifanov K.V. Metamorfozy kodifikacii A. Bernolaka. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2012/2013, band 69, heft 2. pp. 247–280. (In Russ.)
- Nekula M. PRAŽSKÁ ŠKOLA. *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*, eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová, 2017. <https://www.czechency.org/slovník/PRAŽSKÁ ŠKOLA> (accessed 02.02.2021). (In Czech)
- Novák L. K vnitřním dějinám spisovné slovenštiny. *Slavia*, 1932, pp. 73–99, 295–322. (In Czech)
- Pauliny E. *Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ., 1971, 136 p. (In Slovak)
- Pauliny E. *Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ., 1983, 256 p. (In Slovak)
- Slovar russkogo jazyka*, ed. A.P. Jevgenjeva. 4st izd., ster. Moscow, Russkij jazyk; Poligrafresursy Publ., 1999. V che ty rech tomach. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/11/ma208729.htm?cmd=0&istext=1> (accessed 18.03.2021). (In Russ.)
- Štúr L. Náuka reči slovenskej // L. Štúr. *Slovenčina naša*. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957, pp. 151–253 (In Slovak)
- Uspenskij B.A. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka (XI–XVII vv.)*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002, 558 p. (In Russ.)
- Vlkolinský J. O «prvej» knihe slovenskej. *Živena* 2, 1885, pp. 230–240. (In Slovak)

Информация об авторе:

Лифанов Константин Васильевич,
доктор филологических наук, профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-8347-7466
E-mail: lifanov@hotmail.com

Information about the author:

Lifanov Konstantin V.
DSc. (Philology), Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-8347-7466
E-mail: lifanov@hotmail.com